

Свидетели эпохи

ЭРИХ
ЛЮДЕНДОРФ

■
*Мои воспоминания
о войне*

Первая мировая в записках
германского полководца

1914—1918

Эрих Людендорф

**Мои воспоминания о войне.
Первая мировая война в записках
германского полководца. 1914-1918**

«Центрполиграф»

Людендорф Э.

Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914-1918 / Э. Людендорф — «Центрполиграф»,

В книге Эриха Людендорфа, теоретика военного искусства и одного из идеологов германского милитаризма, изложена его точка зрения на события 1914–1918 годов. Во многом благодаря его действиям немецкие войска нанесли ряд поражений русским армиям и вынудили их отступить за пределы Восточной Пруссии. Являясь начальником оперативного отдела Генштаба, Людендорф фактически руководил военными действиями на Восточном фронте в 1914–1916 годах, а в 1916–1918-м – всеми вооруженными силами Германии.

Содержание

Предисловие	5
Мои мысли и действия	6
Льеж	14
Начальник штаба на востоке	19
Танненберг	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эрих Людендорф

Мои воспоминания о войне.

Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918

Я посвящаю эту книгу героям, павшим с верою в величие Термании

Предисловие

На протяжении всех четырех лет войны я не вел дневника, не делал никаких записей. Для этого не было времени. Теперь, будучи на покое, я наверстываю упущенное и пишу свои воспоминания о войне, полагаясь главным образом на память. Волею судьбы мне пришлось занимать различные высокие должности. Вместе с генерал-фельдмаршалом фон Гинденбургом, другими государственными мужами мне довелось руководить защитой нашего отечества.

В своих воспоминаниях я намереваюсь рассказать о подвигах немецкого народа и его вооруженных сил, с которыми навечно связано и мое имя. В книге описываются мои собственные переживания, вызванные этой невиданной по своему размаху битвой народов.

Немцы еще не имели времени для глубокого осмысления прошлого: велико бремя выпавших на их долю испытаний. И тем не менее они могут по праву гордиться своими героическими свершениями на фронте и в тылу. Однако следует все же, не теряя понапрасну времени, поскорее извлечь полезные уроки из тех событий, которые привели к поражению Германии; история не щадит народы и цивилизации, охваченные смутой и внутренними раздорами.

Людендорф

Мои мысли и действия

Прекрасно спланированная и великолепно проведенная операция по захвату бельгийской крепости Льеж¹ положила начало серии громких побед германского оружия.

Наступления на Восточном фронте, осуществленные в 1914–1915 гг. и летом 1916 г., и реализацию высочайших требований, предъявлявшихся к командному составу и солдатским массам, можно по праву считать самыми выдающимися свершениями за всю историю войн. Ведь силы русских намного превосходили противостоявшие им германские и австро-венгерские войска.

Война, которую мне и генерал-фельдмаршалу фон Гинденбургу выпало вести с 29 августа 1916 г., т. е. со дня нашего вступления в главное командование сухопутными войсками, по праву принадлежит к тяжелейшим в мировой истории. Ничего более грандиозного и потрясающего воображение человечество еще не знало. Германия со своими слабыми союзниками из всех сил старалась выстоять против остального мира. Необходимо было принимать важные по своим последствиям решения.

Обе стороны сражались на суше и на море так же доблестно, как и прежде, но уже имели в своем распоряжении значительно более мощные огневые средства. И никогда раньше народные массы в тылу не поддерживали свои вооруженные силы с такой готовностью и единодушием. Пожалуй, только французы продемонстрировали нечто подобное во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг.

В последней войне невозможно было провести разграничительную линию между вооруженными силами и народом в тылу, отделить их друг от друга. Эта война стала воистину все-народной для обеих сторон: сплоченными рядами схватились между собой могущественные державы земного шара. А потому нужно было не только победить врага на поле боя, но и подорвать жизненную силу, сломить дух целого народа, парализовать его волю к сопротивлению.

Не трудно и менее рискованно воевать, когда имеешь в своем распоряжении достаточно войск, хорошо вооруженных и оснащенных всем необходимым. Однако в первые три года войны ни мне, ни генерал-фельдмаршалу фон Гинденбургу не выпало подобного облегчения. Мы были вынуждены действовать, исходя из наличных сил, и, выполняя свой солдатский долг, принимать решения, которые, по нашему мнению, были необходимы для достижения победы. И, надо сказать, нам постоянно сопутствовал успех.

Когда мы в марте 1918 г. при благоприятном для Германии соотношении сил перешли в наступление, то смогли одержать ряд крупных побед, однако для окончательного завершения военного конфликта в нашу пользу их оказалось недостаточно. В итоге порыв постепенно угас, а боевая мощь противника заметно возросла.

Эта мировая и всенародная война потребовала от Германии величайших жертв. Каждый отдельный гражданин должен был отдать все на алтарь победы. Нам пришлось бороться до последней капли крови, трудиться до седьмого пота и при этом сохранять бодрость духа и не терять веры в благополучный исход войны, несмотря на трудности и лишения, невзирая на настойчивую вражескую пропаганду, внешне, быть может, и не очень приметную, но обладающую огромной разрушительной способностью.

Только мощные сухопутные войска и военно-морской флот могли обеспечить Германии победу в этой войне. С их помощью Германия вела титаническую борьбу с ведущими мировыми державами. Своими корнями, подобно могучим дубам, вооруженные силы произрастают из глубины немецкой нации, питаясь ее соками, получая от своего отечества моральную поддержку, кадры, необходимое вооружение и снаряжение. А потому следовало неустанно кре-

¹ Исторические названия мест даны в авторской транскрипции. (Здесь и далее примеч. ред.)

пить боевой дух и поддерживать среди немецкого населения воинственные настроения. Все людские и материальные ресурсы были мобилизованы на удовлетворение нужд войны.

Перед отчизной стояли сложнейшие задачи. Она являлась тем источником, из которого германские сухопутные войска и военно-морской флот постоянно заимствовали новую энергию и который поэтому требовалось держать в первозданной чистоте и неизменной готовности. Народ и его армия должны быть едины и неотделимы друг от друга. Боеспособность воинских частей на фронте напрямую зависела от боевого настроения немцев в тылу. Их работа и жизнь, как никогда прежде, были подчинены требованиям войны. И необходимые для этого условия создавали и поддерживали члены германского правительства во главе с полномочным рейхсканцлером.

А это ставило перед руководством войсками еще одну очень важную задачу – принять меры по подрыву устойчивости тылов противника. Разве Германия не имела права использовать это мощное оружие ведения войны, воздействие которого она ежедневно испытывала на себе? Разве не следовало также влиять на душевное состояние гражданского населения в стане врага, как это удавалось ему – и не без успеха – делать у нас? Правда, Германии не хватало одного весьма мощного пропагандистского оружия: она не могла использовать против государств Антанты такое действенное средство, как продовольственная блокада.

Для благополучного окончания этой войны германскому правительству предстояло решить ряд сложнейших задач, и главной из них была – собрать достаточно людских и материальных ресурсов, нужных кайзеру для победы в сражениях и подрыва морали народов противостоявших нам вражеских стран. Подобная деятельность кабинета министров решающим образом влияла на ход боевых действий, она требовала от правительства, депутатов рейхстага, от немецкой нации концентрации всех помыслов на идее войны. Иначе и быть не могло: войска черпали свои силы в народе и реализовывали их на поле битвы.

Поступая энергично и решительно, уделяя повышенное внимание нуждам войны, германское правительство тем самым способствовало скорейшему достижению ультимативной цели – установлению мира и спокойствия.

Эти мысли и соображения генерал-фельдмаршал и я высказали рейхсканцлеру при нашем назначении в главное командование сухопутных войск (ОКХ). Мы выразили готовность к плодотворному сотрудничеству во имя окончательной победы и были полны самых радужных надежд, несмотря на чрезвычайно серьезную ситуацию.

Правительство приветствовало наше вступление на ответственные должности в ОКХ. Мы со своей стороны отнеслись к кабинету министров с полным доверием и откровенностью. Вскоре, однако, между нами возникли серьезные трения, обусловленные различиями во взглядах и оценках. Эти разногласия обернулись для нас глубоким разочарованием и тяжелым психологическим бременем.

В Берлине не воспринимали наше понимание потребностей фронта, центру не хватало политической воли всецело подчинить жизнь немецкой нации единственной цели: войне до победного конца. Вместо того чтобы мобилизовать все наличные силы на нужды войны и добиваться мира на полях сражений, в Берлине избрали другой путь: все громче раздавались призывы к примирению и взаимопониманию. Почему-то предполагалось, что народы государств Антанты с готовностью прислушаются к примирительной риторике и вынудят свои национальные правительства заключить мир между воюющими сторонами. Между тем приверженцы подобной примирительной политики имели слишком слабое представление об умонастроении большинства населения и членов правительства в стане врага, зараженных националистическими идеями и упорно стремящихся во что бы то ни стало одержать верх. Прошлый опыт так ничему и не научил берлинское руководство, ощущались лишь некая собственная беспомощность перед идеологическим давлением противника, утрата веры в победу и ослабление воли

к сопротивлению. В данном случае над борьбой во имя победы возобладало желание поскорее заключить мир.

Не имея твердого руководства, рейхстаг, правительство и весь народ скатывались по наклонной, приближаясь к пропасти. Важнейшие вопросы ведения войны отодвигались в сторону или просто игнорировались. Их полностью вытесняли проблемы внутренней политики, соображения чисто эгоистического свойства, а это в конце концов обернулось для Германии большой бедой.

Быть может, революции, потрясающие сейчас Европу, и в самом деле приведут к установлению нового миропорядка, и народы научатся жить по законам справедливости и мирного сосуществования, но пока этого нигде не случилось.

Главное командование сухопутных войск всегда придерживалось мнения, что мы лишь тогда сможем сложить оружие и думать о всеобщем взаимопонимании, когда само человечество в корне изменится, иначе нас, немцев, ожидает крах. Пальмовая ветвь мира не в состоянии защитить от меча. До тех пор пока люди – и в первую очередь наши противники – остаются такими, какими они были до сих пор, мы обязаны не выпускать из рук оружия и постоянно его совершенствовать. Поэтому мы в ОКХ считали своим долгом требовать от правительства осуществления мероприятий, необходимых, с нашей точки зрения, для успешного продолжения войны.

Со своими проблемами мы обращались в правительственные ведомства и учреждения. Как известно, постоянно меняющаяся обстановка на фронте требует в каждый данный момент быстрых решений, однако в Берлине продолжали работать по привычной схеме мирного времени, и ответы на подчас чрезвычайно важные вопросы мы получали нередко только по прошествии недель. И мы очень сожалели, когда из-за длительной волокиты деловая переписка приобретала характер взаимных упреков. Но у нас буквально земля горела под ногами, и быстрые решения часто помогали избежать крупных потерь.

С великим трудом государственные чиновники привыкали к тому, что с началом войны ОКХ в равной степени делило с рейхсканцлером ответственность за судьбу страны, порой даже просто вынуждено было действовать самостоятельно, на свой страх и риск, когда правительственные органы в Берлине, проявляя нерешительность, уклонялись от выполнения служебных обязанностей.

К сожалению, ОКХ приходилось иногда вторгаться в сферу компетенций других государственных структур: осуществлять контроль над прессой, вводить цензуру, вести работу по пресечению шпионской и диверсионно-подрывной деятельности противника, выявлять внутренние силы, нацеленные на свержение существующего в стране общественного строя. Руководящая роль принадлежала непосредственно Генеральному штабу, а исполнителями его соответствующих распоряжений нередко являлись местные органы власти. На этой почве возникали всевозможные трения, которых можно было бы избежать, твердо следуя внутри страны предписанным курсом при полной поддержке Генерального штаба.

Как первому генерал-квартирмейстеру, мне нередко выпадало лично излагать претензии и требования Генерального штаба германскому правительству; при этом я не особенно обращал внимание на политические пристрастия отдельных государственных деятелей и партий. И те партии, которые больше заботились о примирении, а не об укреплении в народе решимости довести войну до победного конца, неизменно отклоняли наши требования. В конце концов правительство и партии большинства единым фронтом выступили против меня, моей солдатской настойчивости и привычки оценивать ситуацию с чисто военной точки зрения.

Значительно больше сторонников у меня было в партиях, подобно мне исключавших возможность мирного урегулирования разногласий с врагом и выступавших поэтому за ведение войны с высочайшей энергией. Я никогда не обращался к ним за помощью, но постоянно ощущал их доверие ко мне. По этой причине мои внутренние противники навесили на меня

ярлык «реакционера», хотя все мои помыслы были сосредоточены только на военных операциях. Если бы мои идеи пришлись по вкусу демократическим партиям и они бы меня поддерживали, то в таком случае в глазах правых я, возможно, выглядел бы уже «демократом».

Но я не «реакционер» и не «демократ», я выступаю лишь за благополучие, процветание и могущество немецкой нации, за законность и порядок. Только на таком фундаменте может зиждиться будущее моей отчизны. Во время войны все делалось для победы и сохранения военного и экономического потенциала на послевоенный период.

Бездействие имперского правительства привело к тому, что усилиями моих идейных противников и чересчур рьяных сторонников я оказался втянутым в межпартийные дразги. Что бы я ни делал и ни предлагал, все выставлялось в искаженном виде, выхваченным из контекста, в отрыве от сопутствующих обстоятельств. Распространялись неточные и даже ни на чем не основанные, лживые утверждения. Будучи сам по-солдатски прямолинейным, бесхитростным человеком, я вначале старался не обращать на эти козни внимания; в сравнении с делом, которому я служил, они казались мне довольно мелкими, незначительными. Позднее я всякий раз с глубоким сожалением воспринимал подобные явления, но был не в состоянии что-либо изменить. Я неоднократно обращался к представителям прессы с просьбой: не заниматься так много моей особой. Перегруженный повседневными заботами, я не мог отвечать на все сыпавшиеся на мою голову обвинения и упреки. Не было у меня и трибуны, с которой можно было бы высказать собственное мнение; кроме того, я считал, что немецкий народ достаточно разумен и сам сможет определить, кто же прав. Правительству же пришлось как нельзя кстати иметь под рукой козла отпущения. Вместо того чтобы вступить за меня, оно позволило подстрекателям беспрепятственно действовать, представило меня чем-то вроде диктатора и тем самым усилило враждебное отношение ко мне в обществе.

Очень часто вину за беды и невзгоды, выпадавшие на долю немецкого народа, целиком возлагали на меня. Так, меня посчитали ответственным за ошибки и просчеты со снабжением населения продовольствием, хотя я к этой проблеме не имел абсолютно никакого отношения. Точно так же обстояло дело и с законом о свободе собраний, лежащим вне сферы моих компетенций. Когда зимой 1916/17 г. в стране возникла острая нехватка угля и перебои с подачей транспортных средств, виноватым вновь называли меня, хотя для облегчения положения я даже распорядился откомандировать с фронта на угледобывающие предприятия всех горных инженеров. Никто и не подумал поблагодарить меня за это или хотя бы упомянуть в печати.

В условиях давившей на меня огромной ответственности я искренне желал скорейшего прекращения враждебности и довольно часто высказывался в этом смысле. Однако нам был нужен мир, обеспечивавший Германии свободное процветание, иначе бы все наши жертвы оказались напрасными. На мой взгляд, единственной предпосылкой для заключения мира могла служить откровенная готовность противника к мирным переговорам. Односторонние заявления о нашем стремлении к прекращению войны я считал весьма опасными.

Я прекрасно сознавал, что до подлинного мира было еще очень далеко, сколько бы мы о нем ни говорили и как бы горячо ни желали. Пацифистская идея примирения использовалась многими в качестве оружия против нас, причем среди этого контингента было немало таких, кто действовал, искренне веря в свою правоту. Но думала ли противная сторона точно так же, как наши пацифисты? А если нет, то понимали ли эти люди, что, неоднократно во всеуслышание заявляя о нашей готовности в любой момент заключить мир, они причиняли Германии громадный ущерб, подрывая боевой дух нашего народа, ослабляя его сопротивляемость врагу? Наши пацифисты лишь усилили среди немцев страстное желание мира, не сделав противника уступчивее, и тем самым затруднили достижение подлинного мира на приемлемых для нас условиях. Государства Антанты своевременно распознали складывавшуюся в Германии ситуацию и извлекли из нее выгоду, а ОКХ не смогло использовать имеющиеся в его распоряже-

нии средства, чтобы сделать врага более покладистым. Несмотря на присущий им идеализм, именно эти люди повинны в постигшем Германию несчастье!

В действиях наших противников я не усматривал ни малейших признаков, указывавших на их стремление к миру. Всякие рассуждения на этот счет, в печати или в устных беседах, не соответствовали истинному положению вещей. Германское правительство ни разу не продемонстрировало главному командованию реально существовавшую возможность заключения мира.

Разумеется, такой мир, какой мы теперь получили, Германия могла иметь в любой момент. Но какой рейхсканцлер, какой государственный деятель или просто реально думающий немец, заботящийся о благе нации, согласился бы на это? Не только военные, но и большинство немецкого населения отклонило бы подобный мир, пока чувствовало себя достаточно сильным, чтобы продолжать борьбу. Уверенность в собственных силах и способностях должна была бы придать государственным мужам решимости и помочь войскам добыть победу и избавить отчизну от горечи поражения со всеми сопутствующими несчастьями. Враг не оставлял нам выбора, наши желания ничего не значили. Только после военного поражения противника дипломаты могли вести речь о примирении.

Четыре года я и генерал-фельдмаршал фон Гинденбург работали вместе в гармоничном единстве. С глубоким удовлетворением констатировал я, что он стал для немецкого народа олицетворением справедливого воина и предвестника победы.

Генерал-фельдмаршал милостиво позволил мне разделить с ним его славу. Он выразил это особенно проникновенными словами 2 октября 1917 г. во время торжеств по случаю его семидесятилетия.

Роль полководца сопряжена с колоссальной ответственностью как перед всем миром, так – что еще тяжелее – перед своим войском и собственным отечеством. В качестве первого генерал-квартирмейстера я полностью разделял данную ответственность. В любое время я готов отчитаться за свои действия.

Совпадение наших взглядов по вопросам стратегии и тактики стало прочной основой для плодотворного и доверительного сотрудничества. Обычно, после всестороннего обсуждения проблемы с подчиненными сотрудниками, я коротко и четко докладывал генерал-фельдмаршалу суть замысла и порядок проведения очередной военной операции, сопровождая доклад конкретными предложениями по существу.

С особым удовлетворением отмечаю, что генерал-фельдмаршал всегда – начиная с Танненберга и вплоть до моего ухода с военной службы в октябре 1918 г. – соглашался с моими выводами и безоговорочно подписывал составляемые мною проекты приказов.

У нас была также одинаковая точка зрения на эту войну и обусловленные ее характером требования. Не расходились и наши мнения относительно условий мирного урегулирования вооруженного конфликта. Как и я, генерал-фельдмаршал стремился обезопасить немецкий народ от новых нападений в будущем и последовательно боролся за достижение этой цели. И славные дела генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга глубоко проникли в сердца подавляющего большинства немцев. Я испытывал к нему глубокое уважение, верно служил ему, ценил его острый ум, беззаветную преданность кайзеру и чувство долга перед родиной.

Целью моей жизни была работа во имя благополучия отчизны, кайзера и вооруженных сил. Целых четыре года я жил только войной. Пока я командовал войсками на Восточном фронте, мой распорядок дня определялся складывавшейся военной обстановкой. Обычно с 6 или 7 часов утра и до позднего вечера я находился в своем рабочем кабинете.

В спокойные дни, будучи первым генерал-квартирмейстером, я приходил на службу в 8 часов утра. Примерно через час появлялся генерал-фельдмаршал, и мы коротко обсуждали положение на фронтах, наши ближайшие планы и текущие вопросы. В 12.00 мы докладывали его величеству кайзеру. Точно в 13.00 – обед, продолжавшийся полчаса или три четверти часа;

в 15.30 я снова был в своем кабинете, в 20.00 – ужин, затем полуторачасовой отдых и вновь работа до 12 или часу ночи.

Этот распорядок нарушался лишь в редких случаях. Во время коротких отпусков (три-четыре дня) мне также приходилось заниматься служебными делами. Со всеми важными участками фронта и командующими войсками союзников поддерживалась телефонная и телеграфная связь. Сообщения из армий поступали регулярно утром и вечером, о всех необычайных происшествиях меня информировали немедленно. Постоянное и непосредственное ощущение бушевавших на широком пространстве ожесточенных сражений давило тяжелым грузом на нервную систему, но ОКХ должно было в любой момент иметь четкое и ясное представление о положении дел на всем протяжении гигантского фронта. Слишком часто из-за отсутствия нужных резервов приходилось спешно принимать важные по своим последствиям решения.

На первом плане всегда были вопросы руководства войсками, обеспечения армии всем необходимым и увеличение военно-производственного потенциала страны.

При моей рабочей загруженности и огромной ответственности мне нужны были в качестве помощников люди самостоятельно думающие и откровенно высказывающие свое мнение, что они и делали порой в довольно резкой форме. Наша совместная работа зиждилась на полном взаимном доверии. Мои ближайшие сотрудники были верными и преданными офицерами, преисполненными высочайшего чувства долга. Разумеется, последнее слово всегда оставалось за мной и решение принимал я лично в силу данных мне полномочий. Война часто требовала быстрых действий. Однако в моих решениях отсутствовал всякий произвол, и если мне когда-либо приходилось поступать вопреки предложениям моих подчиненных, то в этом не было ничего для них обидного. Когда возникали разногласия по тем или иным вопросам, я обычно старался по достоинству оценить различные мнения. Меня радует уважение и слава, которыми заслуженно пользовались мои сотрудники.

Наши взаимоотношения складывались вполне гармонично. Особенно дружественная атмосфера царила во время совместного приема пищи. Генерал-фельдмаршал фон Гинденбург любил живые и интересные беседы, и я в них охотно участвовал, затрагивая иногда и проблемы делового характера; в принципе же обсуждать конкретные оперативные планы за общим столом было не принято.

Часто в столовой или в рабочем кабинете к нам присоединялись командированные офицеры, представлявшие различные рода войск и воинские соединения, иной раз и непосредственно пережившие критические ситуации. От них мы получали сведения о положении в войсках более достоверные, чем из официальных сводок. Я старался поддерживать с фронтовыми частями тесную связь, черпая из этого источника множество ценных практических предложений, которые всегда тщательно изучал и анализировал. Встречами с настоящими воюющими, побывавшими в огне сражений, я особенно дорожил.

Довольно часто у нас бывали высокопоставленные члены федерального и земельных правительств. Рейхсканцлер фон Бетман-Гольвег посетил нас дважды: осенью 1914 г. в Польше и в феврале 1915 г. в Лётцене. Приезжали к нам и парламентарии. У меня сложилось впечатление, что, независимо от партийной принадлежности, все они охотно бывали у нас. За одним столом с нами иногда сидели представители крупной промышленности, торговли, профессиональных союзов рабочих и служащих.

Приходилось нам принимать также военных атташе и офицерские делегации нейтральных государств, германских и иностранных корреспондентов, членов научных сообществ и творческой интеллигенции, представителей известных княжеских династий Западной и Восточной Пруссии.

С особым удовольствием встречали мы его величество кайзера и, непринужденно беседуя с ним, всегда чувствовали, что ему приятно бывать у нас. Вообще, я обычно приветствовал появление гостей и сажал их за общий стол; это давало возможность обсуждать насущные

вопросы как бы между делом и оставляло мне больше времени для моих чисто военных проблем.

Командующие армиями и группами армий хорошо понимали всю сложность выпавших на нашу долю задач и в силу своих возможностей старались помогать нам. Мы же, со своей стороны, поддерживали с ними тесный контакт и, прежде чем принимать решение, обменивались с ними мнениями относительно наших планов и замыслов. Главному командованию приходилось также заботиться о выработке единых подходов к решению многих проблем, касающихся различных сторон армейской жизни. Это было особенно необходимо, учитывая частые перемещения воинских частей. С некоторыми неизбежными ограничениями командиры боевых подразделений пользовались в пределах своих компетенций полной самостоятельностью.

Я придавал большое значение устным беседам и личным впечатлениям, а потому часто и охотно выезжал на фронт в специальном железнодорожном вагоне, оборудованном под рабочее помещение и оснащенном телеграфным оборудованием. Работа не прекращалась и в пути следования. На заранее намеченных станциях мы получали обычные ежедневные сводки и при необходимости включалась телеграфная связь. Со штабными работниками у меня повсюду наладились вполне нормальные деловые отношения, проникнутые взаимным доверием.

С большим удовольствием я вспоминаю мои посещения штаб-квартиры кронпринца Германского. Хорошо разбираясь в военных делах, он задавал четкие и ясные вопросы по существу. Кронпринц любил солдат и проявлял трогательную заботу о них, был противником войны и искренне желал мира. И это сушая правда, что бы ни говорили его недруги. Он всегда очень сожалел о том, что недостаточно подготовлен для своей будущей роли кайзера, и изо всех сил стремился восполнить пробелы в знаниях. По его словам, высказанным в беседе со мной, его положение значительно хуже, чем любого квалифицированного рабочего. Свои мысли на этот счет он изложил в памятной записке, которую передал своему отцу – кайзеру, а также рейхсканцлеру Германии. Внешность его обманывала: он был лучше, чем казался.

Во время моего пребывания на фронте командиры отдельных подразделений подробно знакомили меня с обстановкой, будучи откровенными в своих суждениях, как и мои сотрудники в главном штабе. Они хорошо знали мое желание услышать их личное мнение и получить ясную картину происходящего. За докладом обычно следовало всестороннее обсуждение положений доклада с участием командующих крупными армейскими соединениями, попутно рассматривались и другие интересующие меня проблемы.

Мои контакты с фронтом не ограничивались лишь еженедельными поездками. Каждое утро я связывался по телефону с командующими армиями, и они сообщали мне о своих заботах и намерениях. Часто они обращались ко мне с разнообразными просьбами, хорошо зная, что, если возможно, я непременно помогу. Бывали случаи, когда мне приходилось их успокаивать и подбадривать, после чего они выполняли свои нелегкие обязанности с еще большим энтузиазмом.

Телефонные разговоры с командующими на местах помогали мне правильно ориентироваться в обстановке. При возникновении настоятельной необходимости таким путем передавались и приказы, которые затем дублировались в письменном виде. О моих разговорах по телефону с командирами любого уровня обязательно информировалось соответствующее вышестоящее командование. Я со своей стороны никогда не допускал начальственного произвола, да и повода для этого не было.

Куда я не поспевал, обычно посылали кого-нибудь из штабных офицеров с задачей: изложить командованию замыслы главного штаба или же выяснить обстановку на месте.

Персональные изменения старшего командного состава – явление вполне закономерное. Такая необходимость могла возникнуть, когда на какой-либо участок фронта в силу сложившихся обстоятельств вдруг требовался более опытный военачальник или если кому-то из офицеров нужен был отдых или лечение. Обычно кадровые перестановки регулировал

руководитель имперского военного кабинета по представлению компетентных инстанций, для Генерального штаба служебный персонал подбирал его начальник. При этом, однако, избежать несправедливых и даже жестоких решений удавалось не всегда.

Льеж

Штурм крепости Льеж – самое яркое воспоминание всей моей военной биографии. Тогда мне пришлось сражаться в первых рядах, как простому солдату, проявляя подлинное мужество.

Начало войны я встретил командиром бригады, дислоцированной в Страсбурге. Перед этим я долгое время подвизался в Генеральном штабе. Наступление августа 1914 г. явилось практическим воплощением идеи генерала графа фон Шлиффена, спланировавшего операцию на тот случай, если Франция нарушит нейтралитет Бельгии или если Бельгия заключит союз с Францией. В этой ситуации предусматривался ввод германских войск на бельгийскую территорию. Иначе постоянная угроза германскому правому флангу из Бельгии сковала бы любые действия Германии против Франции и не позволила бы достичь быстрой победы. А скорость была необходима, чтобы своевременно предотвратить реальную опасность проникновения русских войск в самое сердце Германии. Война на два фронта, на Востоке и Западе, оказалась бы слишком затяжной, и поэтому фон Шлиффен хотел исключить подобное развитие.

Находясь в крайне невыгодной военно-политической ситуации в центре Европы, окруженные со всех сторон враждебными государствами, мы, если не хотели погибнуть, должны были быстрыми темпами вооружаться с учетом превосходящих сил вероятного противника. Нам было известно о стремлении России развязать войну и об увеличении ею численности своей армии. Россия хотела бы существенно ослабить влияние Австро-Венгерской империи и господствовать на Балканах. Во Франции, с другой стороны, возобладали идеи реванша, желание вновь присвоить себе исконные немецкие земли. Многие происходившее в предшествовавший период во Франции, в том числе и восстановление трехгодичной воинской повинности, недвусмысленно свидетельствовало об истинных намерениях французского правительства. С явным неудовольствием взидала Англия на наш бурный экономический подъем, нашу дешевую рабочую силу и необыкновенное усердие немцев. Германия становилась самой мощной державой континентальной Европы. К тому же она располагала прекрасным, неуклонно развивающимся морским флотом. Англичане видели в нем серьезную угрозу своему мировому господству и привычному образу жизни колониальной империи. Британское правительство сосредоточило большую часть своих военных кораблей, до тех пор бороздивших Средиземное море, в проливе Ла-Манш и в Северном море. Речь Ллойд Джорджа, произнесенная 21 июля 1911 г., не оставила никаких сомнений относительно планов Великобритании, которые та обычно чрезвычайно ловко маскировала. Росла уверенность, что война нам скоро все-таки будет навязана и что это будет схватка, какой мир еще не видывал. Крайне опасно было бы недооценивать военную мощь противника, а подобная тенденция наблюдалась в определенных кругах немецкого гражданского населения.

Еще в преддверии войны, осенью 1912 г., когда стали очевидными коварные замыслы будущих противников, я составил план многократного усиления германских вооруженных сил, в полной мере отвечавший желаниям народа и ведущих политических партий, представлявших парламентское большинство. Мне удалось уговорить генерала фон Мольтке передать мой план рейхсканцлеру, который поручил военному министру рассчитать предполагаемые расходы, не касаясь политической стороны дела. Указанные в смете миллиардные суммы вовсе не свидетельствовали об агрессивном характере предлагавшихся мер, они должны были лишь выравнять чересчур явные несоответствия и помочь практически осуществить положения закона о всеобщей воинской повинности: ведь до сих пор тысячи военнообязанных немцев были лишены возможности выполнить свой долг перед родиной. Требовалось также обновить наши оборонительные сооружения и пополнить материальные запасы. На все было получено согласие, вот только мое настойчивое предложение о немедленном создании трех новых армейских

корпусов не нашло поддержки. Это упущение дорого обошлось нам позднее. Именно этих корпусов нам не хватило в начале войны, а наспех сформированные осенью 1914 г. соединения страдали серьезными недостатками, обусловленными торопливой импровизацией.

Еще не закончились дебаты вокруг моего плана, когда меня откомандировали в Дюссельдорф и назначили командиром 39-го стрелкового полка. Отсюда меня в апреле 1914 г. перевели в Страсбург.

1 августа 1914 г. была объявлена всеобщая мобилизация. Моя жена сразу же выехала в Берлин: семьи офицеров и государственных служащих должны были, согласно распоряжению, покинуть Страсбург. За четыре года войны моей семье так и не удалось обзавестись собственным домом, встречи с женой были очень редкими и всегда короткими. Загруженный служебными делами, я не мог уделять семье достаточного внимания.

Рано утром 2 августа я выехал в Аахен и вечером уже был на месте. В соответствии с полученным приказом мне предстояло занять должность обер-квартирмейстера 2-й армии, которой командовал генерал фон Бюлов. Но сначала я поступил в распоряжение генерала фон Эммиха; ему была поставлена задача силами нескольких пехотных бригад внезапно захватить бельгийскую пограничную крепость Льеж. Это открывало путь германским войскам в глубь Бельгии. Утром 3 августа я познакомился с генералом фон Эммихом и сразу проникся к нему глубочайшим уважением, сохранив это чувство до самой его смерти.

4 августа германские войска пересекли бельгийскую границу, а в то же самое время в Берлине депутаты рейхстага в патриотическом порыве заявили о своей поддержке правительства, и присутствовавшие руководители различных политических партий, выслушав тронную речь, торжественно поклялись в безусловной верности кайзеру в радости и горе. В этот же день я впервые участвовал в бою возле местечка Бизе около голландской границы. Стало очевидно, что Бельгия давно готовилась к нашему вторжению. Характер разрушений и завалов на дорогах свидетельствовал о планомерной и длительной работе. Позже, на бельгийской юго-западной границе, мы не увидели ничего похожего. Почему же Бельгия не предприняла тех же защитных мер на своей границе с Францией?

Было очень важно захватить речные переправы через Маас у Бизе неповрежденными. Я отправился во 2-й кавалерийский корпус генерала фон Марвица, действовавший на данном отрезке фронта. Он медленно продвигался вперед: приходилось преодолевать многочисленные заграждения и завалы на дороге. По моей просьбе вперед послали роту самокатчиков.² Вскоре один из них вернулся и доложил, что рота была окружена близ Бизе и полностью уничтожена. С двумя сопровождающими я немедленно отправился на место предполагаемого боя и, к моей радости, обнаружил всех солдат самокатной роты живыми, только командир был тяжело ранен выстрелом с противоположного берега Мааса. Память об этом небольшом эпизоде сослужила мне хорошую службу. Он сделал меня невосприимчивым к разного рода «обозным слухам». А великолепные громадные мосты через Маас у Бизе оказались все-таки взорванными: Бельгия основательно подготовилась к войне.

Вечером мы остановились в Нерве – первом населенном пункте на чужой территории – и решили переночевать в гостинице напротив железнодорожного вокзала. Кругом – никаких разрушений, и мы спокойно легли спать. Ночью меня разбудила интенсивная ружейная стрельба, огонь велся и по нашему дому. Партизанская война в Бельгии началась. На следующий день она уже развернулась повсюду и сыграла главную роль в усилении ожесточения, характерного в начальные годы войны для сражений на Западном фронте, если сравнивать их с боями на Востоке. Сознательно и планомерно организовывая народную войну, бельгийское правительство взяло на себя тяжелую ответственность: подобные приемы противоречили

² *Самокатные части* – специальные воинские формирования, оснащенные самокатами (устаревшее название велосипеда). Появились в армиях ряда европейских государств в начале XX в. Имели на вооружении ручное огнестрельное оружие.

общепризнанным международным правилам ведения боевых действий. Неудивительно, что немецкие войска были вынуждены защищаться всеми доступными средствами, однако рассказы о «германских злодеяниях» в Бельгии – это хитро выдуманная и ловко распространявшаяся легенда и – не более того. Вина за страдания ни в чем не повинных гражданских лиц лежит целиком и полностью на бельгийском правительстве. Я сам вступил в сражение с мыслями о рыцарском и гуманном отношении к противнику. Партизанские наскоки неизбежно озлобили бы любого честного солдата. Лично я был глубоко разочарован.

Довольно трудную боевую задачу предстояло выполнить у Льежа передовым бригадам. Требовались героические усилия, чтобы прорваться сквозь линию фортов современной крепости. Войска пребывали в нерешительности. По словам офицеров, мало кто верил в успех операции. В ночь с 5 на 6 августа началось наступление на льежские укрепления. В полночь генерал фон Эммих покинул Нерве. Мы поскакали к месту сосредоточения 14-й пехотной бригады генерал-майора фон Вуссова в местечке Мишеру, в 2–3 километрах от форта Флерон. Солдаты в полной темноте не по-военному сгрудились вокруг столь желанных полевых кухонь, остановившихся на дороге, легко простреливаемой из форта. Из ближайшего дома кто-то произвел в толпу солдат несколько выстрелов, завязалась перестрелка. Однако, как это ни странно, форт молчал. Примерно в час ночи мы выступили. Нам предстояло обогнуть форт Флерон с севера и, миновав за крепостным обводом деревню Ретинне, подойти к форту Шартрез, расположенному на холмах близ Льежа. Прибыть на место намечалось в первой половине дня.

Штаб генерала фон Эммиха находился почти в самом конце походной колонны. Внезапно движение замерло. Поспешив вперед, я узнал, что остановка произошла произвольно, без видимой причины. По сути, я был всего лишь наблюдателем, без каких-либо командных функций, и должен был позднее информировать командование армии о ходе операции вокруг Льежа, а также увязать принимаемые генералом фон Эммихом меры с последующими распоряжениями генерала фон Бюлова. Тем не менее я счел необходимым приказать возобновить движение, но связь с передовыми частями была к тому времени уже потеряна. В беспросветной темноте, с трудом выбирая дорогу, мы наконец достигли Ретинне, однако связаться с авангардом так и не удалось. Выходя из деревни, мы избрали неверный маршрут и наткнулись на противника, встретившего нас сильным ружейным огнем. Вокруг меня падали люди, до сих пор я отчетливо помню шмякающие звуки впивавшихся в человеческие тела пули. В темноте оценить обстановку было нелегко. Попытки атаковать невидимого врага ни к чему не привели. Обстрел лишь усилился. Мы явно сбились с правильного пути. Нужно было отойти, и это было мучительно: солдаты могли подумать, что я трусил. Но делать нечего, успех операции был важнее, и я стал отползать к окраине деревни, приказав солдатам следовать за мной.

В Ретинне я в конце концов попал на шоссе, ведущее в сторону деревни Кюи-дю-Буаз. Внезапно впереди блеснула яркая вспышка и вдоль дороги, никого не задев, провизжала картечь. Через несколько шагов мы натолкнулись на целую кучу раненых и убитых германских солдат – авангард бригады с генерал-майором фон Вуссовом, попавший ранее под пушечный залп. Я решил принять на себя командование бригадой. Сначала необходимо было справиться с вражеской артиллерией. Капитаны фон Харбоу и Бринкман из штабного персонала вместе с горсткой смельчаков, хоронясь за кустами и строениями, пробрались к батарее и вынудили многочисленную армейскую прислугу сдать ее. Дорога была свободна.

Вскоре мы вступили в Кюи-дю-Буаз, где завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Между тем уже рассвело. Выкатив вперед две гаубицы и с их помощью расчищая путь, мы медленно продвигались вперед. Несколько раз мне приходилось личным примером поднимать солдат из укрытий в атаку. Наконец деревня осталась позади.

Но тут мы заметили марширующую вдоль Мааса в сторону Льежа военную колонну. Это были бельгийцы, стремившиеся поскорее уйти за реку и не думавшие о защите или нападении. Потребовалось довольно много времени, чтобы выяснить обстановку. Между тем моя бригада

пополнилась за счет ранее отставших солдат. Прорыв через оборонительный обвод состоялся. Вскоре к нам присоединился 165-й пехотный полк под командованием полковника фон Овена, а затем прибыл и генерал фон Эммих.

Дальнейший путь прошел без приключений. Обойдя северную оборонительную линию Льежа, мы поднялись из маасской долины на холмы восточнее форта Шартрез. Примерно в 2 часа дня здесь собралась вся бригада. Наши артиллеристы заняли позиции, нацелив орудия на город. Время от времени они давали залп, чтобы, во-первых, подать сигнал другим бригадам и, во-вторых, сделать коменданта и население города более податливыми. Я приказал дать личному составу бригады небольшую передышку и обеспечить едой, заимствуя продукты в окружающих бельгийских домах.

С холмов открывался великолепный вид на лежавший у наших ног город. Из общего хаоса домов на противоположном берегу выделялась старинная цитадель. Внезапно над одной из ее башен появился белый флаг. Генерал фон Эммих приготовился послать туда парламентариев. Я же предложил подождать делегацию с той стороны. Однако генерал со мной не согласился, и капитан фон Харбоу отправился верхом в город. В 7 часов вечера он вернулся и сообщил, что белый флаг вывесили вопреки воле коменданта. Вступать в город было уже слишком поздно, нас ожидала беспокойная ночь.

Мы попали в весьма затруднительное положение. От других бригад не поступало никаких известий. Конные связные пробиться к ним не смогли. Стало ясно: бригада оказалась в одиночестве в поясе оборонительных фортов, отрезанной от внешнего мира. В скором времени можно было ожидать вражеской контратаки. Связывали нас и около тысячи бельгийских военнопленных. Когда стало известно, что ближайший к нам форт Шартрез (довольно древнее сооружение) не занят противником, я отправил военнопленных туда в сопровождении роты солдат. Командир роты, вероятно, подумал: в своем ли я уме?

С наступлением темноты напряжение среди личного состава стало нарастать. Я ходил по позициям, подбадривая людей, призывая сохранять спокойствие, держаться стойко, мужественно и уверяя, что завтра мы будем в Льеже. Это помогало.

Никогда не забыть мне ночи с 6 на 7 августа. Я чутко прислушивался к ночным звукам, не донесется ли откуда-нибудь шум борьбы, и продолжал надеяться, что, быть может, еще какой-нибудь бригаде посчастливилось прорваться сквозь оборонительный обвод. Ничто не нарушало тишины, лишь каждые полчаса одна из гаубиц выпускала снаряд по городу. Напряжение становилось невыносимым. В 10 часов вечера я приказал роте егерей занять льежские мосты через Маас, чтобы обезопасить бригаду от нападения с этой стороны. Не промолвив ни слова, а лишь коротко взглянув на меня, командир роты отправился выполнять приказ. Обошлось без проблем, но подробных сообщений от роты в течение ночи не приходило.

Забрезжил рассвет. Было твердо решено: наступать на город. Пока я обходил позиции бригады, пришел приказ генерала фон Эммиха к выступлению. По мере продвижения бригады многие бельгийские солдаты без единого выстрела сдавались в плен. Согласно первоначальному плану, полковнику фон Овену надлежало занять цитадель, однако дополнительные распоряжения, о которых я ничего не знал, заставили его повернуть полк на форт Лонсин, прикрывавший город с северо-запада, и окопаться на дороге, ведущей из Льежа. Будучи уверен в том, что полковник фон Овен находится в цитадели, я отправился туда вместе с бригадным адъютантом в бельгийском трофейном автомобиле. На месте мы обнаружили, что старинное сооружение по-прежнему в руках неприятеля. Я постучал в запертые ворота, и мне отворили. Выслушав мое предложение о сдаче, бельгийский гарнизон из нескольких сотен солдат без выстрела сложил оружие. Вскоре подоспели основные силы бригады и заняли цитадель, которую я тотчас же подготовил к обороне.

На этом закончились мои добровольно взятые на себя обязательства, и можно было с генералом фон Эммихом распрощаться. Я собирался, следуя проторенной дорогой, покинуть

крепость Льеж, чтобы доложить командованию армии о произошедших событиях, посетить другие бригады и организовать подавление фортов с помощью мощной артиллерии. Передовые части 34-й бригады на западном берегу Мааса прорвались через оборонительный обвод, но дальше пробиться не смогли, и атака захлебнулась. Вскоре подошли 11-я и 27-я пехотные бригады, и таким образом генерал фон Эммих уже имел в своем распоряжении довольно крупные силы.

Сердечно простившись с генералом, я в 7 часов утра выехал в Аахен и, пользуясь различными видами транспорта, поздно вечером прибыл на место. В гостинице «Унион» меня встретили как вернувшегося с того света. Здесь же находились мои личные вещи и мой денщик Рудольф Петерс, верой и правдой служивший мне на протяжении долгих шести лет. Быстро поужинав, я выехал на фронт в поисках остальных бригад. Я не раздевался и не снимал сапог почти девяносто часов. Случайно мне встретился мой прежний полк, который в большой спешке грузили в железнодорожные вагоны, чтобы отправить на подмогу частям, сражавшимся у Льежа. Эта операция сильно беспокоила и главное командование в Берлине.

Между тем противник бездействовал, а форты один за другим переходили в наши руки. В конце концов это позволило германским войскам форсировать Маас и беспрепятственно вторгнуться в глубь Бельгии; у меня отлегло от сердца.

За умелое руководство бригадой его величество вручил мне орден «За заслуги». Но первым его получил, разумеется, генерал фон Эммих, ведь он командовал общей операцией. Между тем самую высокую похвалу заслужили многие участники взятия крепости Льеж, покорения ее мощных оборонительных фортов.

С этого момента я участвовал в Бельгийской военной кампании уже в должности оберквартирмейстера и имел возможность на практике досконально изучить вопросы обеспечения войск всем необходимым. Эти знания оченьгодились мне впоследствии, когда я был назначен начальником штаба армии на Восточном фронте.

Начальник штаба на востоке 22 августа 1914–28 августа 1916

Танненберг

Письмо генерала фон Мольтке, в котором он просил меня явиться в ставку и сообщал о моем назначении начальником штаба 8-й армии, дислоцированной в Восточной Пруссии, я получил 22 августа в 9 часов утра в штаб-квартире 2-й армии, расположенной в тот момент на полпути между Вавром и Намюром.

Генерал фон Мольтке, в частности, писал: «Вам поручается новая трудная задача, пожалуй, потруднее, чем штурм Льежа. Я не знаю ни одного человека, к которому я испытывал бы такое доверие, как к вам. Быть может, вам еще удастся спасти положение на Востоке. Не сердитесь на меня за то, что отзываю вас с поста, когда вы уже приготовились к решающему сражению, которое, благодаря Божьей помощи, непременно увенчается успехом. Вы должны пойти на эту жертву ради Отечества. И наш кайзер взирает на вас с надеждой. Разумеется, вы не несете ответственности за случившееся, но с присущей вам энергией вы можете предотвратить худшее. Следуйте же зову родины, чрезвычайно почетному для любого солдата. Я не сомневаюсь: вы сумеете оправдать выраженное вам доверие».

Я узнал также, что на должность командующего 8-й армией прочили генерала фон Гинденбурга, но пока не было известно, где он находится и согласится ли принять командование.

Я гордился своим новым назначением, и меня воодушевляла возможность служить кайзеру, вооруженным силам и любимой родине на важнейшем участке фронта. Любовь к родине, верность кайзеру, сознание, что долг каждого – жить ради благополучия семьи и государства, мне прививали с раннего детства мои родители. Они не были богатыми людьми, мы жили экономно и скромно, но в нашей семье царила атмосфера гармонии и счастья. И отец и мать были всецело поглощены заботой о шестерых детях. И я от всего сердца благодарю своих родителей за все, что они для нас сделали.

В бытность мою молодым офицером я с трудом сводил концы с концами, однако это обстоятельство нисколько не влияло на мою жизнерадостность. Я проводил много времени в своей лейтенантской комнате за чтением книг и документов по общей и военной истории и географии, расширяя приобретенные еще в детстве познания в этих областях. Я гордился своим отечеством и его выдающимися людьми, боготворил великого Бисмарка, его страстную волю и неиссякаемую энергию. С присягой на верность я неразрывно связывал готовность к самопожертвованию. Углубляясь в историю Европы, я все больше убеждался в решающем значении сильных армии и флота для безопасности Германии, которая в прошлом неоднократно становилась полем ожесточенных и опустошительных сражений. Вместе с тем я познакомился с огромным вкладом моих соотечественников в мировую культуру, в прогрессивное развитие человечества, с заслугами королевской династии в деле формирования германского государства.

С переводом в 1904 г. в оперативный отдел Генерального штаба началась, собственно, моя служба на благо вооруженных сил. Под руководством генерала фон Мольтке я совершил множество инспекционных поездок и имел возможность вблизи взглянуть на различные аспекты большой войны.

Мой новый пост в качестве начальника штаба 8-й армии позволял доказать, насколько я способен на практике применить идеи великого военного теоретика генерал-фельдмаршала графа фон Шлиффена. О большем мечтать во время войны настоящий солдат и не мог. Было

жаль, конечно, что я эту должность получил в тот момент, когда мое отечество попало в сложное положение, но моя душа, моя немецкая натура побуждали к конкретным действиям.

В 6 часов вечера я прибыл в Кобленц и немедленно явился к генералу фон Мольтке. Здесь я узнал подробности относительно положения дел на востоке. 20 августа в районе Гумбиннена 8-я армия атаковала Неманскую армию русских, которой командовал генерал Ренненкампф. Несмотря на некоторый первоначальный прогресс, наступление успеха не имело, и армия продолжала отходить на запад, готовясь очистить всю территорию восточнее Вислы. Защищаться продолжали лишь крепости. На южной границе Восточной Пруссии, восточнее Гильденбурга русская Наревская армия генерала Самсонова серьезно потеснила 20-й армейский корпус генерала фон Шольца. По моей инициативе командованию на востоке был спущен приказ, предписывавший: во-первых, 23 августа прекратить отход 8-й армии, во-вторых, 1-й армейский корпус, следовавший по железной дороге из Кёнигсберга в Гёслерсхаузен, направить в Эйлау и, в-третьих, собрать в ударную группу все доступные воинские части гарнизонов городов Торн, Кульм, Грауденц, Мариенбург, Штрасбург и Лаутенбург. Русским было не уйти от новых тяжелых боев.

Встретился я и с кайзером; он пребывал в хорошем настроении, говорил серьезно о положении на Восточном фронте и выражал сожаление, что враг оккупировал часть исконной германской земли. Со словами признательности его величество вручил мне орден «За заслуги». С гордостью и грустью я вспоминаю эту встречу.

Вечером в 9 часов я выехал специальным поездом из Кобленца на восток. Перед самым отъездом мне сообщили о согласии генерала фон Гинденбурга взять на себя командование 8-й армией. В 4 часа утра он сел в Ганновере в мой поезд, и я явился к нему, чтобы официально представиться; так состоялась наша первая встреча. Другие мнения и разговоры на этот счет – чистые выдумки. Я коротко доложил обстановку, и мы легли отдыхать.

В 2 часа пополудни 23 августа мы прибыли в Мариенбург, где нас ожидали представители армейского командования. Положение на фронте в полосе действия 8-й армии к тому времени уже изменилось: отход за Вислу был приостановлен. В Мариенбурге мы словно попали совсем в другой мир. После приподнятой атмосферы успешного наступления на Западе особенно ощущалась общая подавленность. Однако все быстро изменилось и настроение заметно поднялось. Сказывалась дружная работа штабного коллектива, о которой я уже упоминал в самом начале.

Решение о наступлении на Наревскую армию далось нам нелегко. Оно определялось главной задачей – победить, несмотря на превосходство русских в живой силе и техническом обеспечении, и принималось с расчетом на неповоротливость русского военного командования. Общий план операции формировался постепенно, в течение 24–26 августа.

Главный вопрос заключался в том, сумеем ли мы вывести из-под удара армии Ренненкампфа 1-й резервный и 17-й армейский корпуса и объединить с другими частями 8-й армии для совместного удара по Наревской (2-й) армии генерала Самсонова. Ренненкампф не воспользовался своим недавним успехом у Гумбиннена и слишком медленно продвигался вперед. Оба германских корпуса все-таки оторвались от неприятеля и повернули резко на юго-запад в тыл 2-й армии русских, наступавших от Найденбурга на Алленштейн. При этом тылы наших корпусов оказались незащищенными со стороны Неманской армии Ренненкампфа, находившейся на расстоянии двух или трех дневных переходов. И когда 27 августа началось сражение, продолжавшееся не один день, как в прежних войнах, а затянувшееся до 30 августа, все это время армия Ренненкампфа маячила на северо-востоке подобно грозовой туче. Стоило ему выступить, и мы были бы разбиты. Но Ренненкампф едва шевелился, и мы одержали блестящую победу. Немногим известно, с каким волнением и тревогой взирал я все эти долгие дни на Неманскую армию.

Чтобы использовать в полную силу возможности 17-го армейского и 1-го резервного корпусов, необходима была поддержка другой группы войск 8-й немецкой армии. Тяжелые дни

пережил и 20-й армейский корпус. 23 августа он занимал высоты северо-восточнее Гильденбурга, развернувшись фронтом на юг, а противник наступал от Найденбурга, т. е. с юго-запада. И хотя генералу фон Шольцу удалось отбить вражескую атаку, ему пришлось все-таки отвести далеко назад свой левый фланг. Многочисленные передвижения, обременительные для германских воинских частей, имели и свою положительную сторону: русские уже чувствовали себя победителями и не верили в способность немцев к дальнейшему серьезному сопротивлению, не говоря уже о широком наступлении, и считали путь на территорию Германии восточнее Вислы свободным.

24 августа нам передали перехваченную радиogramму русских, в которой открытым текстом излагался план действий противника на ближайшие дни. Наревская армия маршировала своим правым флангом на Бишофсбург, а левым – на Ваплиц. Еще левее, уступом назад от Млавы через Зольдау, продвигался 1-й армейский корпус русских.

Южной ударной группе 8-й армии предстояло атаковать наступающие войска Наревской армии с запада. Хотелось бы также, обойдя Зольдау с юга, охватить и 1-й армейский корпус русских. Но на это не хватало сил, хотя соблазн был велик. В конце концов я предложил генералу фон Гинденбургу повести наступление 1-м армейским корпусом от Эйлау в направлении Монтово, а правым флангом 20-го армейского корпуса от Гильденбурга на Уздау и отбросить 1-й армейский корпус русских на юг за Зольдау. После чего нашему 1-му армейскому корпусу надлежало следовать в сторону Найденбурга, чтобы во взаимодействии с 17-м армейским корпусом и 1-м резервным корпусом окружить, по крайней мере, основную массу Наревской армии противника. Этим необходимо было пока ограничиться, если мы хотели выиграть сражение.

Не все прошло так гладко, как изложено выше. Наши войска были сильно измотаны и в ходе непрерывных боев понесли значительные потери. Передача приказов в воинские части была связана с большими трудностями. Кавалерийские разъезды противника подстерегали на каждом шагу. Не было уверенности, что враг даст нам достаточно времени осуществить наши оперативные замыслы.

Особенно мешали тысячи беженцев, тянувшихся за группой генерала фон Шольца. Передвигаясь пешком или на повозках, они заполонили все дороги и не отставали от войск. Внезапное отступление этой армейской группы имело бы печальные последствия как для беженцев, так и для воинских частей. Память сохранила много чрезвычайно грустных эпизодов.

Начало наступления на Уздау было запланировано на 4 часа утра 27 августа. Мы хотели непосредственно на месте проконтролировать взаимодействие 1-го и 20-го армейских корпусов. Но уже в момент выезда из Лёбау в Гильденбург нам сообщили радостную весть о падении Уздау. Я посчитал сражение выигранным, однако я ошибся. К сожалению, оказалось, что Уздау пока не взят. Захватить его удалось лишь ближе к полудню, что означало прорыв позиций Наревской армии на всю тактическую глубину. 1-й армейский корпус отбросил противника за Зольдау и устремился к Найденбургу.

Крайне утомленный 20-й армейский корпус действовал не столь успешно. Не удалось продвинуться вперед и на северном участке фронта. Не совсем довольные мы вернулись во второй половине дня в Лёбау. Вскоре поступило тревожное известие о разгроме 1-го армейского корпуса, будто бы жалкие остатки его прибыли в Монтово. С трудом верилось в правдивость информации. Как сообщил на наш запрос по телефону комендант тамошнего вокзала, в Монтово сосредотачивались части 1-го армейского корпуса. Как выяснилось позднее, действительно один батальон этого корпуса, попав в тяжелое положение, вынужден был отступить. Потом вновь вызвали волнение в большой спешке шедшие в тыл через Лёбау длинные обозы. Много всего наваливается порой на руководителя, он должен обладать крепкими нервами. Дилетант полагает: война – это чисто математическое уравнение с определенными величинами, но это совсем не так. Любое сражение требует огромного обоюдного напряжения физи-

ческих и духовных сил, причем это дается еще труднее, если противник обладает численным превосходством. Война предполагает совместную работу с людьми различных характеров и собственных взглядов на вещи. Объединить их для общего дела может только железная воля руководителя.

Кто, не попробовав себя в роли командующего на войне, берется критиковать действие командного состава, должен сначала хорошенько изучить военную историю. А я, со своей стороны, пожелал бы этим людям самим хоть раз поуправлять крупным сражением. Испытав на себе все переживания и страхи, связанные с лихорадочно меняющейся обстановкой и тяжелым бременем личной ответственности, эти критиканы, безусловно, стали бы вести себя значительно скромнее. Для истинного солдата нет ничего почетнее и тяжелее, чем быть во главе целой армии или даже всего войска.

Поздно вечером в Лёбау поступило сообщение о том, что 1-й резервный корпус достиг Вартенбурга. Перед 17-м армейским корпусом находился 6-й армейский корпус русских, потерпевший поражение 26 августа близ Гросс-Вёссау и отступавший через Ортельсбург в район южнее Бишофсбурга. Преследовали его лишь отдельные части 17-го корпуса, а главные силы этого корпуса располагались 27 августа в окрестностях Менсгута.

28 августа 1-му армейскому корпусу нужно было занять Найденбург. Между тем он уже, не дожидаясь приказа, по собственному почину, повернул в этом направлении. 20-й армейский корпус продолжал наступление, начатое еще накануне; особенно быстро продвигалась 41-я пехотная дивизия. Атаковать Хоенштейн было поручено 1-й ландверской³ дивизии. 1-й резервный и 17-й армейский корпуса, обезопасив себя от возможного удара русских со стороны Ортельсбурга, должны были сосредоточиться в районе Алленштейна – Пассенгейма.

Ранним утром 28 августа мы выехали в деревню Фрёгенау и остановились под открытым небом у ее восточной окраины. С 1-м армейским корпусом нас связывала тонкая ниточка полевого телефона, с другими воинскими соединениями связи вообще не было.

Первые сообщения с места боев не особенно радовали. И хотя Найденбург захватить удалось, атака 41-й пехотной дивизии на Ваплиц, предпринятая под покровом тумана, была с большими потерями отбита, и дивизия окопалась западнее этого города, в тревоге ожидая контратаки русских. По моему распоряжению к ней выехал в автомобиле штабной офицер связи, который нашел ее изрядно потрепанной. Ополченцы, воевавшие близ Мюлена, топтались на месте; это ставило под угрозу правый фланг 20-го армейского корпуса, вздумай противник перейти здесь объединенными силами в наступление. Тогда сражение могло затянуться, что позволило бы Ренненкампфу прийти на помощь 2-й (Наревской) армии Самсонова. Но против 41-й пехотной дивизии враг ничего не предпринял, и 1-я армия Ренненкампфа не тронулась с места.

После полудня обстановка еще больше изменилась в нашу пользу. Западнее Хоенштейна 3-я резервная и 37-я пехотная дивизии очистили от неприятеля значительную территорию, а Гольцевская ополченческая дивизия, спешно переброшенная из Шлезвиг-Гольштейна, вошла в Хоенштейн. Во вражеских позициях обозначились зияющие бреши. Генерал фон Гинденбург выехал со штабом в Мюлен. По дороге нам встретились нескончаемые колонны русских военнопленных, которые отправлялись в тыл под охраной. Производили они довольно неприглядное впечатление.

Вечером мы перебрались в Остероде. Уже не было никаких сомнений в том, что сражение мы выиграли. Но можно ли было считать это полным разгромом русских, мы еще не знали. Между тем 1-й армейский корпус получил приказ отправить сводный отряд в Вилленберг,

³ Ландвер (от нем. Land – страна и Wehr – защита) – категория военнообязанных 2-й очереди и создававшиеся из них в военное время второочередные воинские формирования в Пруссии, Германии, Австро-Венгрии в XIX – начале XX в.

туда же мы перебросили 17-й армейский корпус: нужно было лишить русских возможности к отступлению.

В течение ночи мы узнали подробности с мест боев. 13-й армейский корпус русских, продвинувшись от Алленштейна к Хоенштейну, серьезно потеснил ополченцев. Наш 1-й резервный корпус вышел в район Алленштейна и при дальнейшем движении замкнет кольцо вокруг 13-го корпуса противника и покончит с ним. В это же время 1-й и 17-й армейские корпуса отрежут пути отхода остальным частям противника.

29 августа в первой половине дня я решил отправиться в Хоенштейн, чтобы разобраться с ситуацией. Дорога пролегла через поле недавнего боя, и открывшаяся картина потрясла меня. Восточнее Хоенштейна сбились в одну кучу маршировавшие немецкие колонны и толпы русских военнопленных. С трудом удалось навести порядок.

Битва заканчивалась. 3-я резервная дивизия глубоко вклинилась в оборонительные порядки противника, достигла населенного пункта Мушакен, восточнее Найденбурга. Здесь неоднократно пытались вырваться из окружения отступавшие в панике русские. Особенно ожесточенные схватки происходили 30 августа, однако они уже не могли что-либо изменить в окончательном итоге сражения.

Генерал Самсонов застрелился. Пленные русские генералы были доставлены в Остероде и предстали перед генералом фон Гинденбургом. Цифры, касающиеся количества убитых, раненых, пленных и военной добычи, хорошо известны и многократно упоминались в соответствующей литературе. Широко распространявшиеся истории о том, что русских тысячами загоняли в непроходимые топи на верную гибель, – сплошное вранье. В той местности, где проходил заключительный акт трагедии, болот нет и в помине.

Так закончилась одна из самых блестящих военных операций в истории человечества. Войска, неделями терпевшие неудачи, совершили настоящий подвиг, покрывший славой не только командование и войска, каждого офицера и солдата, но в первую очередь нашу великую отчизну.

Германия и Австро-Венгрия ликовали, мир хранил молчание. По моему предложению эту Восточно-Прусскую операцию назвали «сражение при Танненберге» в память о Грюнвальдской битве (1410), когда немецкий Тевтонский орден потерпел сокрушительное поражение от объединенного литовско-польского войска.

Но по-настоящему радоваться великолепной победе я был не в состоянии: слишком велико было пережитое нервное напряжение, вызванное постоянной угрозой нападения со стороны армии Ренненкампа. И все-таки мы страшно гордились своим свершением. Успех явился результатом удачного прорыва позиций неприятеля и его окружения, нестигаемой воли к победе и трезвого расчета.

В протестантской церкви Алленштейна генерал фон Гинденбург и я отслужили благодарственный молебен.

Меня наградили Железным крестом 2-го класса, которым я всегда гордился. Вспоминая Льеж и Танненберг, я по сей день испытываю глубокое удовлетворение. За долгие годы войны Железный крест 2-го класса несколько утратил свою былую ценность, что достойно сожаления, но вполне объяснимо. Тем не менее всякий, получивший заслуженно этот орден, должен, не стесняясь, с гордостью носить его.

Времени отдохнуть и хотя бы немножко расслабиться у меня не было. Требовалось готовить войска к дальнейшим походам. Только что окончив одно сражение, уже готовиться к следующему – задача нелегкая.

И хотя Ренненкампа – вероятно, под впечатлением разгрома Наревской армии Самсонова – и оттянул на несколько километров свои передовые части, он, судя по всему, не собирался покидать территорию между рекой Прегель и Мазурскими озерами. 8-й немецкой армии предстояло вновь вступить в бой и для этого сосредоточить все наличные силы. Для осуществ-

ления замысла с запада нам в подмогу были переброшены по железной дороге дополнительные воинские соединения, разгрузившиеся в районе Алленштейна – Эльбинга. В это время подразделения самой 8-й армии заняли исходные позиции на линии Вилленберг – Алленштейн. Немногочисленный заслон оставили близ Зольдау; этим подразделениям надлежало вторгнуться в Польшу с выходом к Млаве.

По окончании перегруппировки и сосредоточения войск намечалось атаковать позиции Ренненкампа по всему фронту от Прегеля до Мазурских озер с охватом его левого фланга с юга. Войска нашего правого фланга должны были обезопасить армию со стороны Августова и Осовца, куда ожидалось прибытие вражеских войск. Объединенные силы 8-й армии нанесли удары по позициям русских тремя группами: у Мазурских озер, восточнее Лётцена и в направлении Лыка.

Выдвижение войск на исходные рубежи началось 4 сентября. Уже 7 сентября перед сильно укрепленными позициями русских на линии Велау – Гердауен – Норденбург – Ангербург (между Прегелем и Мазурскими озерами) были сосредоточены Гвардейский резервный, 1-й резервный и 20-й армейский корпуса, которые согласно плану перешли в наступление через два дня. Развивалось оно для нас не очень благоприятно: русские непрерывно контратаковали.

И восточнее Лётцена дела складывались поначалу не совсем удачно. 17-й армейский корпус, а также 1-я и 8-я кавалерийские дивизии, преодолев 8 и 9 сентября полосу внушительных укреплений, оказались в болотистой местности и резко замедлили продвижение вперед. 1-й армейский корпус, наносивший удар через Николайкен и Йоханесбург, пришлось восточнее цепочки озер повернуть резко на север, чтобы облегчить выгодное положение 17-го корпуса. 3-я резервная и Гольцевская ополченческая дивизии продолжали движение в общем направлении на Биаллу – Лык и уже 8 сентября натолкнулись на значительно превосходящие силы противника.

Эта новая операция 8-й армии была задумана необыкновенно смело. Ей противостояла более многочисленная Неманская (1-я) армия, включавшая 24 пехотные дивизии. В 8-й же армии насчитывалось всего 16 дивизий. Дивизии русских состояли из 16 батальонов, а немецкие – из 12. Кроме того, у противника в районе Осовца и Августова находилось в резерве от четырех до шести дивизий. В любой момент можно было ожидать вражеского контрудара против нашего правого фланга восточнее озер. Но и при таком соотношении сил мы вовсе не думали отказаться от своих планов наступления. На нашей стороне была лучшая военная выучка. Танненберг обеспечил нам солидное преимущество.

Ранним утром 10 сентября поступило чрезвычайно обнадеживающее известие: севернее Гердауена, в полосе действий 1-го резервного корпуса, противник отошел с занимаемых позиций. Легко можно себе представить охватившую нас радость. Слов нет, крупный успех, хотя и не окончательный. Русская армия еще не была разбита. Теперь нужно было энергично, по пятам, преследовать отходящие русские войска и в тесном взаимодействии с собственными частями навязывать им прямые столкновения. В то же время нашему правому флангу надлежало, двигаясь к дороге Вирбаллен – Ровно, охватить противника с юга; мы намеревались прижать его к Неману. Вместе с тем нельзя было сбрасывать со счетов, что Ренненкампа все еще был способен во взаимодействии с прибывшими с юга подкреплениями нанести контрудар в любом стратегическом направлении. Линия наших боевых порядков была повсюду слишком тонкая, хотя обеим северным группам, до тех пор разделенным Мазурскими озерами, теперь удалось соединиться. Между тем на всех участках растянутого фронта продолжала сохраняться довольно напряженная обстановка.

События развивались не совсем так, как я ожидал. Друзья и враги – все перемешалось. Случалось, свои стреляли по своим. Отдельные подразделения шли отчаянно напролом, не дожидаясь поддержки соседей.

И все-таки командный состав 8-й армии великолепно зарекомендовал себя. За четыре дня германские войска, сражаясь и напрягая все силы, прошли победным маршем более 100 километров. Наше неотступное преследование, сопряженное с постоянными фланговыми охватами, совершенно измотало русскую армию, и она ушла за Неман обескровленной. В ближайшие недели ее можно было уже не брать в расчет как полноценную боевую единицу, по крайней мере до тех пор, пока русские не доставят ей свежее пополнение.

Результат этого сражения не был столь впечатляющим, как битва у Танненберга. Окружить противника не удалось, он успел отойти, и бои свелись к фронтальным и фланговым столкновениям далеко за пределами границы у Вирбаллена. А в этот момент на южном участке фронта, в районе Сувалок, Августова и Осовца, схватки продолжались с неослабевающей силой. У Танненберга мы захватили свыше 90 тысяч военнопленных, здесь же – всего 45 тысяч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.